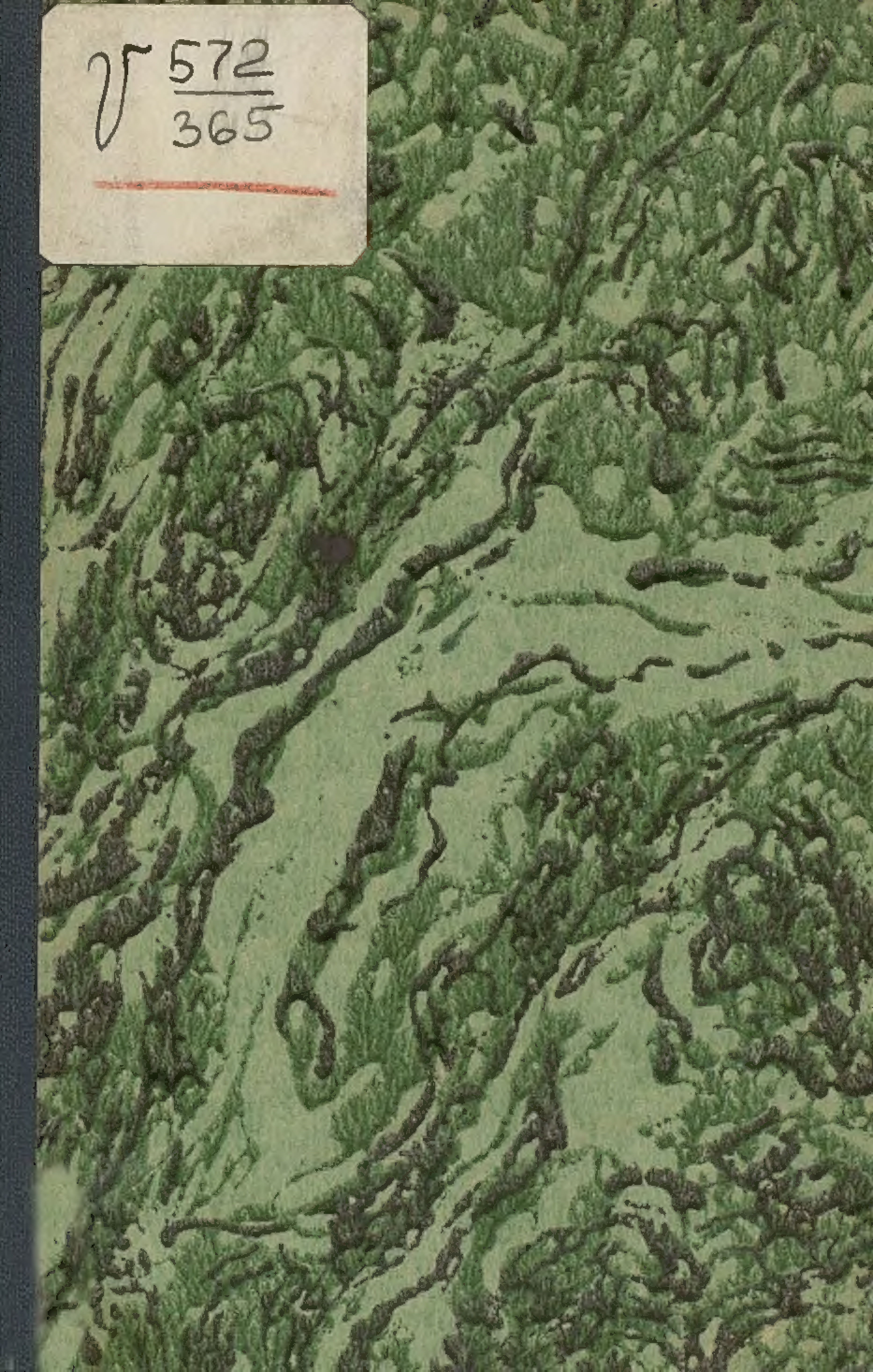


ЗАПИСКИ

о

Раиѳской пустыни, Крестѣ въ Акахъ и Казанскомъ монастырѣ.



Николая Баженова.



КАЗАНЬ
Перепечатано изъ губ. вѣд.
1845.

ПОѢЗДКА ВЪ РАИѲСКУЮ ПУСТЫНЬ.

Я отправился въ Раиѳскую пустынь 21-го Августа, обыкновенное время многочисленнаго народнаго стеченія къ празднику. Она находится въ 30 верстахъ отъ Казани на сѣверозападъ. Отъ самаго еще Пороховаго Завода песчаная дорога пролегаетъ въ лѣсахъ, сохраняющихъ только призракъ тѣхъ темныхъ и дремучихъ, которые когда-то существовали здѣсь. Однообразію дороги измѣняетъ одно не большее озеро, называемое Лебяжьимъ, на растояніи десяти верстъ отъ города. Кромѣ тѣхъ озеръ, которыя въ сторонѣ отъ дороги, Лебяжье единственное на пути, и потому избранное мѣсто усталыми, а иногда утомленными отъ зноя путниками. Приближаясь къ пустыни, мы нѣсколько верстъ ѣхали въ тѣни темнаго бора, сохранившаго казалось, свою первобытность. Монастырь съ его зубчатыми стѣ-

нами и облегающее ихъ озеро, въ которое смотрятся косматыя ели — увидѣли не прежде какъ выѣхали на поляну, усѣянную множествомъ людей, то двигавшихся по разнымъ направленіямъ, то располавшихся кочевьемъ видописными группами. Эта декорація монастыря съ его озеромъ и лѣсистыми окрестностями, оттѣнявшая сцену Русской народности — была тѣмъ разительнѣе, что она открылась вдругъ изъ подъ лѣсной завѣсы.

Мы всегда съ удовольствіемъ вслушиваемся въ отголосокъ Русской старины — и любопытны преданія о предзнаменованіяхъ монастыря. Они въ нашемъ холодномъ, недовѣрчивомъ вѣкѣ отзываются чѣмъ то роднымъ. Внимая имъ, мы какъ будто бы слышимъ прерывистые отголоски благовѣста, навѣяннаго изъ отдаленной родины. Это преданіе свито въ неразрывную нить повѣствованія отъ временъ Филарета, пришельца въ заволжскій край съ береговъ Москворѣцкихъ.

Онъ былъ Московскій купеческій сынъ — юноша, котораго не волновали земныя страсти, но съ другой точки зрѣнія смотрѣлъ на прочность человѣческаго блага. Предназначивъ себя для другой высшей цѣли — Филаретъ выполнилъ завѣтъ Спасителя, заповѣданный богатому юношѣ, желавшему спастись. (Еванг. Матѳ. гл. XIX). Въ чаяніи небесныхъ сокровищъ, онъ отдалъ все свое имущество неимущимъ и вступилъ въ Московскій Чудовъ монастырь. Пробывъ тамъ нѣсколько времени, неизвѣстно по чему онъ оставилъ прежнее свое мѣстопребываніе съ тѣмъ, что бы уже невозвращаться, тогда какъ былъ всѣми

любимъ за его послушаніе и кроткій нравъ? Для тоголи что онъ былъ связанъ узами знакомства, нарушавшими уединеніе; или, бывши истиннымъ монахомъ, не желалъ пользоваться снисхожденіемъ къ себѣ, отличающимъ его отъ другихъ по знакомству съ его родными, людьми богатыми; или имѣлъ другія, какія нибудь сокровенныя причины — трудно разгадать неисповѣданныя тайны сердца! Преданія только говорятъ о томъ, что Филаретъ взялъ страннической посохъ, посѣтилъ многіе монастыри въ видѣ поклонника святыни; а въ 1613 году, прибывъ въ Казань, остался въ Спаскомъ монастырѣ.

Филаретъ пріобрѣлъ не только уваженіе и любовь собратій, но цѣнимый всѣми по нравственному достоинству, кто только узналъ его, былъ радушно принимаемъ въ домахъ извѣстныхъ гражданъ и людей высшаго сословія. Знакомство наложило на Филарета свои узы, а предавшись имъ не замѣтнымъ образомъ — онъ въ глазахъ своихъ отдалился уже отъ прямаго пути къ тому, для чего себя предназначилъ. Что бы разорвать эти узы, Филаретъ по духу тогдашняго времени обрекъ себя на юродство. Поведеніе такаго рода многихъ отъ него отдалило, но нѣкоторые разгадали его тайну и сблизились съ нимъ еще болѣе по собственному своему благочестію. Изъ числа ихъ, гражданинъ Сергій сдѣлался его другомъ и выстроивъ въ своемъ домѣ особенную келью, вызвалъ его изъ монастыря. Филаретъ, юродивый для свѣта, но открытый только для нѣкоторыхъ наслаждавшихся его духовною бесѣдою—не всегда по обыкновенію своему блуждая

на позорище народа днемъ, проводилъ ночи на молитвѣ въ кельѣ. Онъ удалялся иногда въ дремучіе лѣса, горы и обиталъ въ пещерахъ подъ открытымъ небомъ, гдѣ вдохновенный любовію къ Творцу, созерцалъ незримаго въ видимыхъ дѣлахъ и предавался размышленіямъ. Дѣйствительно чистая, не поддѣльная природа, то съ привѣтливой улыбкой красныхъ дней, то меланхолическая и томная при сіяніи луны и мерцаніи звѣздъ на пурпурѣ небесномъ, то величественная и грозная въ своихъ явленіяхъ — есть родина поэтическихъ восторговъ гармонически настроивающихъ чувства.

Филаретъ, далекій шума свѣта, свыкся съ пустыннымъ одиночествомъ, и блуждая сокрытый отъ наблюдательныхъ очей полюбилъ мѣсто нынѣшней Раиоской пустыни. Снабженный нищетою и вооруженный терпѣніемъ, неизвѣстно какіе этотъ отшельникъ имѣлъ средства, чтобъ выстроить тамъ одинокую хижину? Вѣроятно ему содѣйствовалъ Сергій, владѣвшій хорошимъ состояніемъ; но какъ бы то ни было, Филаретъ поселился въ ней. Тамъ уже ничто не нарушало размышленій и молитвъ его, кромѣ Черемисовъ, приходившихъ иногда къ озеру для совершенія своихъ обрядовъ, но въ этомъ краю язычниковъ воцарился уже крестъ Спасителя съ пришествіемъ Филарета, прославившаго тамъ Бога еще за 40 лѣтъ до основанія церкви.

Филаретъ, какъ нравственный перлъ между людьми, не навсегда скрылъ себя въ лѣсахъ. Разгаданный наконецъ и тѣми, которые оставили

его—онъ найденъ былъ и въ пустыни, гдѣ иногда навѣщали его люди богатые и знатные. Между тѣмъ многіе, обрекая себя монашеству, пожелали сопутствовать ему на тѣсной тропинкѣ ко спасенію, и скоро возникло нѣсколько хижинъ. Въ числѣ многихъ переселившихся туда Филаретъ встрѣтилъ и друга своего Сергія, бывшаго уже монахомъ Серапіономъ. Онъ оставилъ мірскія дѣла, постригся въ Седміозерной пустыни и отдалъ въ пользу ея все свое имущество. Серапіонъ не хотѣлъ уже оставить Филарета, поселившись съ нимъ для общаго сподвижничества въ одной хижинѣ.

Филаретъ, по отношенію его къ обществу какъ настоятель и Іерей по чину духовному, предложилъ братіямъ устроить для соединенныхъ молитвъ храмину, въ которой бы могли совершаться по чиноположенію церковному (разумѣется кромѣ литургіи) всѣ службы, соотвѣтствующія раздѣленіямъ дня. Всѣ съ радостію приняли предложеніе его, и общими трудами созидался молитвенный домъ. Въ это время одинъ изъ благочестивыхъ сотрудниковъ увидѣлъ руку, которая изъ свѣтлаго облака благословила труды ихъ. Филаретъ, обрадованный призрѣніемъ ихъ трудовъ свыше, заключилъ, что Богъ, благословивъ мѣсто ими избранное, прославитъ его водвореніемъ святыни во вѣки. Вскорѣ послѣ этого какъ Филаретъ, Серапіонъ, такъ и другіе слышали носившіеся въ окрестностяхъ отголоски чуднаго, непонятнаго звона, похожаго на колокольный. Кто бы слышавшій его не прорекъ подобно Филарету, что это пророческій благовѣстъ, который

прославляетъ избранное имя, благословенное мѣсто свыше, и осуществившись во времена грядущія, будетъ призывать вѣрныхъ. Но Филаретъ совершавшій потомъ уже службы въ новомъ молитвенномъ домѣ, украшенномъ иконами и снабженномъ необходимою утварью — не дождался свѣтлаго предзнаменованія. Тамъ не было еще церкви, но опасаясь быть застигнутымъ смертью въ запоздалые годы его жизни, проведенные въ трудахъ, молитвѣ и постѣ до изнеможенія— Филаретъ переселился въ Спаскій монастырь снова. Онъ хотѣлъ умереть какъ истинный христіанинъ, съ предсмертнымъ покаяніемъ и должнымъ напутствованіемъ. Предчувствіе его сбылось, и скоро по переселеніи туда переступилъ за рубежъ земной жизни. Онъ погребенъ въ стѣнѣ Спаскаго монастыря.

Но вотъ настал уже памятный для монастыря 1661 годъ, когда нѣкто старѣйшій изъ братіи Ѳаддей, сопутствуемый двумя старцами, явился къ Митрополиту Лаврентію просить благословеніе на построеніе въ Раиѳской пустыни церкви; вмѣстѣ съ этимъ просили и дать имъ священника, потому что наставникъ ихъ Серапіонъ простой, безграмотный монахъ. Архіерей исполнилъ ихъ желаніе, и первая построенная ими церковь, была освящена во имя Ефимія Новгородскаго Чудотворца, а настоятелемъ былъ назначенъ Іеромонахъ Савватій.

Въ послѣдствіи времени обитель обводилась бревенчатою стѣною съ церковью надъ св. воротами Происхожденія древъ Честнаго Креста, а

внутри ограды строилась другая, во имя Преподобныхъ, въ Синаѣ и Раиѳѣ пострадавшихъ, отъ чего и пустынь получила названіе Раиѳской. Во время созданія этихъ храмовъ Митрополитъ Лаврентій, какъ слышно изъ отголоска преданій, по какому то тайному внушенію, изъявленному въ неясныхъ намекахъ настоятелю, пожелалъ что бы внутри стѣны былъ еще храмъ Грузинской Божіей Матери. (*) Между тѣмъ какъ продолжались строенія всѣхъ этихъ церквей, Лаврентій отправилъ на Черную гору (Архангельской губерніи) художника съ тѣмъ, что бы онъ сдѣлалъ вѣрный списокъ съ того Чудотворнаго образа Грузинской Божіей Матери, который искупленъ изъ рукъ Персіянина, и судьбами высшими, отъ знойнаго юга перенесенъ на орошаемые Двиною земли сѣвера. Когда все было готово къ освященію храмовъ — Митрополитъ Лаврентій съ торжественнымъ крестнымъ ходомъ шелъ туда пѣшкомъ. Эту процессію сопровождало множество народа и всѣ были угощаемы Архипастыремъ. Съ тѣхъ еще поръ Свіяжскіе жители упросили Митрополита, что бы образъ Грузинской Божіей Матери приносимъ былъ къ нимъ ежегодно. И такъ изстари сохраняется этотъ священный обычай. Икону уносятъ туда 31 Іюля, возвра-

---

(*) Это очень вѣроятно, хотя основано и на слухахъ. Первое: что заставило обнаружить это желаніе и послать художника изъ Казани въ Архангельскую губернію тогда, какъ подобныя иконы находятся всюду. Второе: онъ сопровождалъ ее самъ и пѣшкомъ. Можетъ быть и отголоски взяты съ рукописи, которая могла сгорѣть во время бывшаго пожара, а при составленіи новой объ этомъ пропущено.

щаясь обратно 21 Августа, наканунѣ празднуемаго ей дня.

Когда во время пребыванія моего въ пустыни засльішался благовѣстъ, вѣщавшій шествіе Крестнаго хода при вечерѣющемъ днѣ, я въ числѣ прочихъ отправился за духовной процессіей къ часовнѣ, находящейся въ недалекомъ разстояніи отъ монастыря, гдѣ обыкновенно встрѣчаютъ образъ. Тамъ я разговорился съ однимъ изъ Свіяжскихъ жителей. о причинѣ просьбы Митрополиту, что бы образъ Грузинской Божіей Матери приносимъ былъ въ Свіяжскъ. Онъ увѣрялъ меня, что во время освященія храма были нѣкоторыя чудеса. На возраженіе мое, что этого не видно изъ монастырскихъ лѣтописей, онъ говорилъ мнѣ такъ: Мы вѣримъ этому по преданію отъ предковъ, а гласъ народа есть гласъ Божій! Разрѣшите мои вопросы! Что побудило нашихъ предковъ просить о ежегодномъ принесеніи къ намъ образа Грузинской Божіей Матери; для нее приносили тогда въ жертву драгоцѣнные камни и жемчуги, которые вы увидите на богатой ризѣ? Почему до сихъ поръ неохладѣло наше усердіе, и каждый считаетъ счастіемъ и непремѣннымъ долгомъ принять въ свой домъ эту икону? Впрочемъ кто какъ хочетъ, но мы вѣрны преданію глубокой старины! . . . . . Мнѣ нечего было отвѣчать на это да и нѣкогда, потому что появилось шествіе Крестнаго хода. Это священное дѣйствіе было торжественное умилительное ; но что бы дѣлать подробное объ немь описаніе, то предметы не выходили изъ обыкновеннаго порядка вещей, а усердіе народное къ образу Грузин-

ской Божіей Матери, котораго я былъ свидѣтелемъ и у всенощной—высказать невозможно, потому что оно очень велико!

Эта пустынь стремленіемъ къ ней поклонниковъ, процвѣтала еще со временъ Митрополита Лаврентія, всей душей ей преданнаго, который, въ свою очередь, исходатайствовалъ у Царя лежащие въ окрестности земли и крестьянъ. Наконецъ и эта обитель претерпѣла тяжелое испытаніе. Пожаръ въ 1685 году, развившій опустошительное пламя свое отъ не изслѣдованной тогда причины, совершенно уничтожилъ двадцати-четырехъ-лѣтнее существованіе монастыря, по образъ Грузинской Божіей Матери, судьбами вышними сохраненъ тогда временамъ грядущимъ. Послѣ пожара монахи разошлись по другимъ монастырямъ, кромѣ не многихъ, которые претерпѣвая крайность нуждъ на любимомъ пепелищѣ, нехотѣли оставить усердно почитаемой иконы.

Благовѣстъ къ ранней обѣдни Августа 22 пробудилъ крѣпкій сонъ утомленныхъ пришельцевъ, которые сладко спали подъ открытымъ небомъ. Литургія совершалась въ Троицкой холодной церкви, съ предѣломъ Дмитрія Ростовскаго и трапезою. Какъ наружная архитектура этой четырехъ-угольной церкви съ одною главою, такъ иконостасъ, отдѣланный подъ позолоту, съ изображеніями по стѣнамъ его Евангельскихъ притчей — свидѣтельствуютъ о исходѣ 16 вѣка. Предположивъ быть у поздней обѣдни, я, отдѣлившись отъ волнующагося народа, отправился для обозрѣнія храмовъ и зданій.

Теплая церковь Преподобныхъ избіенныхъ въ Раиѳѣ и Синаѣ, съ колокольнею, имѣетъ округлую фигуру и видъ готическаго зодчества. Внутренность ея мрачная, иконостасъ ветхій и самаго стариннаго иконнаго писанія. Это зданіе, возводимое прежде другихъ зимою, предалось уже разрушительному вліянію времени. Внутри ея во многихъ мѣстахъ по закоптѣлымъ, покрытымъ слоями пыли стѣнамъ видны трещины и разсѣлины, до того угрожающія опасностью, что уже своды алтаря подперты деревянными столбами. Еще одною изъ важныхъ причинъ доведенія церкви до такого состоянія было то, что она раздѣлена на два этажа. На верху освящена была другая, но когда замѣтили, что нижній этажъ осядаетъ, иконы и вещи размѣстили по другимъ церквамъ, а зданіе это предано запустѣнію.

Церковь во имя Св. Софьи и трехъ ея дочерей, выстроена въ связи съ старыми настоятельскими кельями, полуготической наружности, не обширная съ стариннымъ иконостасомъ, на которомъ видны выжженныя молніею извилины отъ разразившейся надъ ней грозы. Богослуженіе бываетъ одинъ разъ въ годъ 17 Сентября, въ день храмоваго праздника.

Небольшая церковь Николая Чудотворца надъ святыми воротами, не имѣетъ ничего въ особенности примѣчательнаго. Служба отправляется только 9 Мая.

Всѣ эти четыре церкви: Троицкая, Синае-Раиѳскихъ Чудотворцевъ, Софьинская и Нико-

лаевская, вмѣстѣ съ стѣною и прочими зданіями, кромѣ церкви Грузинской Божіей Матери, возникли послѣ пожара 1685 года при Митрополитахъ Адріанѣ и Маркелѣ. Адріанъ принялъ самое живѣйшее участіе о новомъ возведеніи монастыря въ лучшее состояніе. Онъ вызвалъ изъ Воскресенскаго монастыря для построенія Раиѳской обители Іеромонаха Германа бывшаго потомъ настоятелемъ Раиѳской пустыни. Когда Адріанъ былъ возведенъ на Патріаршій престолъ, то заступившій его мѣсто въ 1691 году Митрополитъ Маркелъ съ неутомительною дѣятельностію довершалъ недоконченныя дѣла своего предшественника. Этотъ Митрополитъ сколько по тогдашнему времени ученый, столько исполненный добра, чести и твердости, видя истощеніе средствъ для приведенія къ концу построекъ, удѣлилъ для этаго часть своего имущества и склонилъ Казанцевъ къ пожертвованіямъ. Такимъ образомъ Раиѳскій монастырь, обязанный обновленіемъ своимъ этимъ двумъ святителямъ, возникъ снова въ концѣ 16 столѣтія, благоденствуя съ тѣхъ поръ полтора вѣка.

Современныя построенію храмовъ зданія, дающія пріютъ инокамъ и гостепріимный кровъ поклонникамъ, заключались въ четырехъ двухъэтажныхъ каменныхъ корпусахъ (*). Обитель обведена высокою и толстою каменною стѣною, съ башнями различной архитектуры. Она огибаетъ

(*). На одномъ изъ нихъ, гдѣ помѣщался Митрополитъ Тихонъ, верхній этажъ сломанъ за вѣтхостію.

не правильный четырехъ-угольникъ площади монастырскаго двора на 230 саж. въ окружности. Построеніе такой прочной стѣны съ амбразурами, отверстіями для пушечныхъ выстрѣловъ и лѣстничными сходами на монастырскій дворъ, было необходимо для тогдашняго времени, что бы въ случаѣ защитить одинокую обитель отъ кочующихъ туземцевъ. Впрочемъ она не безполезна нынѣ и для мирныхъ пришельцевъ, потому что подъ кровлею надъ ее зубцами вѣрное убѣжище для народа, который по необходимости долженъ бы иногда терпѣть холодъ и ненастье подъ открытымъ небомъ (*).

Кромѣ того много было и другихъ церквей (**) но онѣ передѣланы и приняли иныя назначенія. Одна изъ нихъ была домовою церковью Тихона заступившаго мѣсто Маркела. Этотъ Митрополитъ любилъ удаляться на лѣтнее время въ Раифскую пустынь, гдѣ далекій городскаго шума, проводилъ мирные дни подъ сѣнью спокойствія. Имя Тихона, послѣ его предшественниковъ, останется памятнымъ монастырю, потому что многая лучшая церковная утварь и обогащеніе ризницы есть его приношеніе. Одна изъ упраздненныхъ церквей занята библіотекою; не примѣчательною впрочемъ по своему содержанію. Внизу

(*). Около монастыря хотя и выстроено нѣсколько служительскихъ домовъ, но помногочисленности пріѣзжающихъ семействъ и они бываютъ заняты, а народъ остается подъ открытымъ небомъ.

(**) Они помѣщались въ жилыхъ зданіяхъ и башняхъ.

подъ этимъ зданіемъ и понынѣ существуетъ пещера, бывшихъ когда то затворниковъ. Вотъ храмина, спасавшихся по духу того времени! Это тѣсное и съ низкимъ потолкомъ помѣщеніе — есть болѣе просторный гробъ, навѣвающій могильною сыростью, нежели обитель жизни.. Опредѣляя себя въ это добровольное заточеніе — гробницу живыхъ, куда сквозь маленькое окошечко проходитъ едва только мерцающій полусвѣтъ, обнаруживающій жесткое ложе, необходимо высокое, твердое самоотверженіе. Сколько пораждается мыслей, какое столкновеніе идей при взглядѣ на эту пещеру. Какъ опредѣлить это самоотверженіе, съ которымъ не только разлучались съ міромъ, но даже отказали себѣ въ послѣднемъ. эту желѣзную волю — отвергнуть цвѣтистые пути жизни и пробираться между ея терніями? Если бы мы спросили у нихъ: знаютъ ли они радости жизни? Онѣ истинныя и чистыя, но вполнѣ ли вы понимаете ихъ? Было бы ихъ обратнымъ вопросомъ. Намъ сказали бы они: исполненные суетныхъ мечтаній, своенравныхъ до неизбыточности — не можете вполнѣ оцѣнить нашихъ духовныхъ наслажденій! Вы избалованные нѣгою жизни, слабые для христіанскаго сподвижничества — довольно слѣпы и для свѣта религіи! Вы безъ противудѣйствующей борьбы тонете въ кипучихъ волнахъ собственной вашей жизни! Эту горькую истину выражаетъ за нихъ безмолвіе пещеры.

Позднняя литургія всѣмъ соборомъ совершалась въ храмѣ Грузинской Божіей Матери. Она была тѣмъ торжественнѣе, что день 22 Августа

Россія и Церковь празднуетъ вѣнчаніе на царство нашего Императора.

Этотъ пятый храмъ италіанскаго зодчества съ куполомъ, обращенъ фасадами на при стороны, съ фронтонами, а четвертую занимаетъ алтарь. Верхній этажъ на западъ надъ папертью, возведенъ подъ комнаты для пріѣзда Епархіальнаго Архіепископа; постоянно же они занимаются настоятелемъ. Кромѣ того подъ этими комнатами, по обѣимъ сторонамъ паперти, постоены кельи для двухъ монаховъ. Внутренность церкви двухъ этажная, съ двумя предѣлами: одинъ во имя Іоанна Златоуста, а другой Ливерія Папы Римскаго, и отдѣляются четвероугольными колоннами. Очень жаль что изъ четырехъ полукруглыхъ оконъ, которые въ куполѣ, не проходитъ свѣту, потому что внутренность его закрыта протяженіемъ потолка, что много отнимаетъ и отъ внутренняго величія храма. Иконостасъ отдѣланъ подъ позолоту; образная живопись довольно хорошей кисти. Этотъ храмъ есть уже современное произведеніе — и недавно освященъ. Онъ выстроенъ попеченіями нынѣшняго настоятеля Архимандрита Амвросія и бывшаго тогда Архіепископа Филарета (нынѣ Митрополита Кіевскаго).

Послѣ обѣдни, окончившейся въ полдень, толпы рѣдѣли и шумный говоръ ихъ часъ отъ часу становился тише, съ замирающими вдали отголосками уходящихъ. Поляна очистилась отъ торговыхъ палатокъ, располагавшихся для продовольствія народа, а потомъ простучали послѣдніе экипажи. Тогда воцарилась совершенная ти-

шина. Оставшись до слѣдующаго дня, вечеромъ я отправился обозрѣвать монастырскія окрестности. Мѣстоположеніе обители сколько видописно, столько мрачно и угрюмо. Она расположена у самаго озера, надѣляющаго братію на цѣлый годъ рыбою. Это озеро въ длину около четырехъ верстъ. Самымъ широкимъ мѣстомъ, (около 50 саж.) сопредѣльно западной стѣнѣ, противъ которой изъ другаго края его, вытекаетъ впадающая въ Волгу рѣчка Сумка. Одинъ конецъ озера огибаетъ только монастырь, заворачиваясь съ южной стороны подъ самою стѣною; а другой, со стороны сѣверной, отклонясь отъ стѣны теряется изъ глазъ и подходитъ подъ деревню Бѣлую. Все остальное пространство, кромѣ поляны противъ монастыря, въ сторонѣ которой расположено нѣсколько домовъ монастырскихъ служителей и строится каменная гостинница—лѣса. Лѣса и озеро, вотъ всѣ окрестные предметы! И они, взятые съ разныхъ точекъ зрѣнія со стѣны и изъ башенъ, — рисуются дикими разнородными ландшафтами.

Когда я ходилъ вокругъ монастыря, солнце склонялось къ западу, обливая красноватымъ отблескомъ иглистые вершины деревьевъ. Въ бору шумѣлъ вѣтеръ взволновавшій озеро, которое тоже переливало въ зыбяхъ своихъ отраженный свѣтъ запада. Кромѣ звуковъ настроенныхъ Эоломъ — мертвое безмолвіе кругомъ нарушалось только боемъ монастырскихъ часовъ, и послѣдній гулъ замирающаго ихъ звона поглощался отголосками порывистаго вѣтра. Это родина меланхоліи подумалъ я, и приближался къ предметамъ еще

болѣе печальнымъ. Войдя въ монастырскую ограду—я переступилъ на клочекъ земли, предназначенный быть нивою Божіею, засѣваемою костями человѣческими. Я говорю языкомъ писателя, который и самую смерть справедливо называетъ Великою Субботою человѣческаго бытія. Тамъ между разсаженными деревьями бѣлѣются скромные памятники, а нѣкоторые могильные холмы зеленѣютъ подъ сѣнью вѣковыхъ: пихты, иглистаго кедра и кудрявой лиственницы переселенныхъ изъ ихъ еще болѣе холодной родины. Они, можетъ быть ровесники ожидающихъ здѣсь вѣщей трубы возстанія! Эта нива смерти составляетъ внутреннюю прогулку братій, а тѣнь надъ могильными холмами тлѣющихъ праховъ—гостепріимный пріютъ отдохновенія. Дѣйствительно я нашелъ тамъ одного стараго монаха, который расположившись на могильномъ холмѣ казался пробудившимся мертвецомъ. Впрочемъ оно и такъ! Онъ пережилъ свои желанія; онъ обуздалъ свои мечты—и все его стремленіе—небо! А я?—я мчался по безбрежному морю заботъ, тонулъ въ бездонномъ его омутѣ желаній; вмѣстѣ съ этимъ своенравныя мечты возносили меня въ заоблачную высь. Чѣмъ же это кончилось?—переѣздомъ 27 верстъ до Пороховаго завода.

ПОѢЗДКА ВЪ ДЕРЕВНЮ АКИ.

Проѣхавъ двѣ версты отъ Сибирской заставы по ужаснымъ выбоямъ, я свернулъ въ право къ селу Цареву, которое, полагаю, тоже не болѣе двухъ верстъ отъ большой дороги. Отъ Царева уже оставалось версты четыре до деревни Аковъ, цѣли моего путешествія. — Наконецъ показались и Аки, а за рѣчкой Киндяркой, начинающейся изъ Пермяковъ и впадающей въ Казанку — на полугорѣ та часовня, въ которую стремятся вѣрующіе въ чудодѣйственную силу креста. Жаль, что зимою не вполнѣ можно представить довольно живописное положеніе сельскаго ландшафта. Простая бревенчатая часовня, съ двумя возводящими на нее крыльцами и двухъ

скатной крышей, выстроена на полугорѣ надъ журчащимъ источникомъ. Этотъ чистѣйшій, не замерзающій и зимою, нагорный ручей, вытекаетъ въ нѣсколькихъ шагахъ выше часовни, гдѣ родникъ его скрытъ помостомъ съ перилами. Онъ подтекая подъ часовню, опять появляется наружу съ лицевой ея стороны, откуда стремится по горному склону. Теченіе его прерывается жолобомъ, какъ будто бы посредникомъ, передающимъ эту кристальную влагу Киндяркѣ. Пространство около часовни, съ лѣвой ея стороны, покрыто густыми березами, составляющими не большую рощицу; а съ другой—только онѣ разсаживаются и кое—гдѣ раскинуто нѣсколько молодыхъ сосенъ. Все это огорожено и отъ калитки не высокой ограды, по полугорѣ къ часовнѣ, ведутъ лѣстничныя ступени.

Въ сторонѣ отъ часовни,—на горномъ склонѣ растутъ нѣсколько сосенъ, осѣняющихъ, какъ полагаютъ, давно забытую ниву смерти. Судя по этимъ деревьямъ, нѣкоторымъ камнямъ и виду провалившихся могилъ—утверждаютъ, что когда то это было Татарское кладбище. Очень вѣроятно, что здѣсь существовало какое нибудь Татарское селеніе Казанскаго Царства. По близости къ столицѣ и выгодамъ мѣстности, едвали и могло пустѣть это мѣсто. Самое притомъ названіе *Аки*, думаю произошло отъ Татарскаго слова *Бѣлый*. (*)

(*) По этому правильнѣе называть Àки, но не Оки, какъ я и принялъ.

Внутренность часовни довольно пространная, но мрачная, потому что только въ два маленькихъ окошечка проходитъ туда слабый свѣтъ.—По стѣнамъ ея поставлены образа, а крестъ установленъ въ срединѣ на возвышенномъ мѣстѣ. Съ одной стороны этого креста изображены распятый Спаситель, а на концахъ поперечника Пресвятая Дѣва и Іоаннъ Богословъ; сверху всевидящее Око, а внизу голова Адамова. Всѣ эти изображенія облечены серебряною ризою, и вѣнцы святыхъ иконъ вызолочены. На другой сторонѣ креста: въ срединѣ образъ Божіей Матери, а по сторонамъ видны надписи надъ изображенными предметами—рука ударившая Господа, ризы Господни, образъ Св. Власія, купино, мѣшецъ, шелвпы и хворостіе. Сверху изображены, солнце и луна съ надписями: *Снце втму, луна вкровь*; внизу же столбъ, пѣтелъ, лѣстница, копіе и губка съ оцтомъ. Предъ крестомъ, кромѣ свѣчь, теплятся четыре лампады.

Для поклоненія Св: кресту обыкновенно стекаются 14 Сентября. Тогда бываетъ крестный ходъ—и это самый многолюдный сборъ народа изъ ближнихъ и далекихъ сторонъ. Въ другой разъ собираются для поклоненія кресту лѣтомъ, въ день Св. Тихона Амафунтскаго, празднуемаго 16 Іюня, но этотъ сборъ случайный. Покакому то особенному обстоятельству — прежде существовала часовня, не далеко отъ деревни Бѣлянкиной, куда въ этотъ день сходились поклонники. Въ послѣдствіи часовня была уничтожена, но пришедшіе, незнавшіе что она сломана — обратились тогда уже къ Акамъ. Съ тѣхъ поръ существуетъ обычай стекаться въ этотъ день для

поклоненія честному кресту въ Акинскую часовню, гдѣ служатъ и молебны.

Что было первою причиною такаго почитанія креста? и съ давнихъ ли поръ оно утвердилось въ народѣ? Вотъ два важныхъ вопроса, рѣшеніе которыхъ очень любопытно.

Преданіе старожиловъ, хранящееся въ живыхъ разсказахъ вѣрующихъ, не подкрѣпленное однако письменнымъ свидѣтельствомъ, такъ излагаетъ исторію этого креста: Вскорѣ по покореніи Казанскаго Царства—когда заселилось это мѣсто Русскими—одна отроковица видѣла сонъ, что на дворѣ нѣкотораго изъ жителей сокрытъ крестъ. Сначала ей худо вѣрили, когда она разсказывала кому-нибудь свое видѣніе; но потомъ рѣшились повѣрить слова ея поисками на описываемомъ ею мѣстѣ. Испытаніе было не напрасно, потому что едва только заступъ коснулся на указанномъ мѣстѣ земли — какъ обнаружился конецъ креста. Полагаютъ, что этотъ крестъ завезенъ Татарами въ прежніе войны до Іоанна Грознаго. Не извѣстно на чемъ основано такое предположеніе, но, какъ бы то ни было, весьма легко допустить, что дѣйствительно онъ могъ быть завезеннымъ сюда Татарами въ числѣ разныхъ побѣдныхъ трофеевъ.

По обрѣтеніи креста—онъ вознесенъ былъ на эту гору, гдѣ для его помѣщенія выстроили часовню; которая долго существовала. Но какъ построеніе часовни произведено было безъ разрѣшенія духовнаго Начальства, то въ послѣдствіи

времени она была уничтожена, а крестъ взялъ крестьянинъ Иванъ Новиковъ и хранилъ его въ своей житницѣ. Изъ числа повѣствователей почтенный, достойный вѣроятія осмидесяти лѣтній старецъ Яковъ Семеновъ нѣсколько помнитъ этого Новикова. Яковъ былъ еще тогда ребенкомъ, а Новиковъ старцемъ весьма преклонныхъ лѣтъ. Я желалъ видѣть его потомковъ, но ихъ неосталось.

Крестъ долго хранился въ житницѣ; но какая то сумасшедшая старушка, влачивившая жизнь съ совершенною утратою умственныхъ способностей—начала съ воплемъ твердить объ освобожденіи оттуда креста. Часто бываетъ дивенъ голосъ сумасшедшихъ! . . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
По настоятельному требованію страждущей безумицы, крестъ снова былъ поставленъ на прежнее мѣсто; а по этому случаю снова возникла тогда, уже съ вѣдома духовнаго начальства, часовня, и установленъ крестный ходъ. Время къ которому относится это событіе, съ хронологическою точностію опредилить ни кто не можетъ. Увѣряютъ даже, что по случаю весьма многихъ и опустошительныхъ пожаровъ, подробностей объ этомъ нельзя узнать и въ самой Казани.

Такъ произошло основаніе настоящей часовни и соблюдаемаго до сихъ поръ крестнаго хода. Одна женщина по обѣщанію своему, просила дозволенія пожертвовать къ часовнѣ колоколъ,

что и было разрѣшено Митрополитомъ Тихономъ. Храненіе этой часовни ввѣрено особенному старостѣ, который по праздничнымъ днямъ отпираетъ ее и звономъ колокола призываетъ усердныхъ на молитву.

Были ли какіе нибудь чудеса на вашей памяти? спрашивалъ я тамошнихъ жителей. По отзыву ихъ не было особенныхъ причинъ видѣть чудодѣйственную силу креста исцѣленіями, но онъ скорый помошникъ прибѣгающихъ въ нуждахъ и печаляхъ. Многіе же изъ пришельцевъ увѣряютъ въ испытанномъ дѣйствіи воды источника, которою омытъ крестъ—въ цѣленіи глазныхъ болѣзней; и очень многіе берутъ эту воду. Удостовѣрившись нѣкогда самъ въ подобной силѣ дѣйствія креста — я съ вѣрою внималъ голосу народа. Между прочимъ старикъ Семеныч увѣрялъ какъ свидѣтель, что когда думали поновлять крестъ—живописецъ былъ отталкиваемъ какою то непонятною силою. Тогда это намѣреніе было оставлено; но въ послѣдствіи изгладившееся лики были поновлены.

Когда крестьяне спросили меня, для чего я записываю слова ихъ, я высказывалъ имъ свое намѣреніе. Напутствуемый за это благословеніями добрыхъ стариковъ, простыхъ дѣтей природы, безъ губительнаго раздумья вѣрующихъ въ животворящее дѣйствіе ихъ завѣтнаго креста—я съ сладчайшими чувствами возвращался къ Казани, которая съ возвышенія между Аками и Царицынымъ рисовалась прекраснѣйшимъ ландшафтомъ.

Я жалѣлъ, что вмѣсто зелени, равнины облекались снѣговымъ покровомъ съ его блистающими звѣздками и морозными иглами, переливавшими алмазною игрою блистаніе въ нихъ солнечныхъ лучей. Моему уже воображенію оставалось дополнять недостатки красокъ въ мертвой природѣ. Въ правой сторонѣ видѣнъ былъ Кизическій монастырь, съ его рощей и раскинутыми около ихъ предмѣстіями города, а нѣсколько лѣвѣе бѣлѣлись стѣны Зилантова монастыря, слившагося съ Ягоднымъ и зданіями Пороховаго Завода. На лѣвой сторонѣ отъ этихъ предметовъ распространялась лучшая часть Казани, а прочія ея мѣста или скрывались чащею деревьевъ *Куртины*, Швейцаріи и проч., или заслонены были другими предметами, отвѣчавшими расположенію картины—и картины общимъ сочетаніемъ видовъ превосходной. Къ дополненію ея, кресты Божіихъ храмовъ ярко отражали сіяніе солнца. Я остановился и долго—долго смотрѣлъ на всѣ эти предметы.

═

КАЗАНСКІЙ ДѢВИЧІЙ МОНАСТЫРЬ.

Вечеромъ 7 Іюня по улицамъ тянулся народъ, по мостовымъ стучали экипажи — и все это движеніе направлялось къ монастырю Казанской Божіей Матери. Дворъ его былъ полонъ людей — и отверсты двери соборной церкви, гдѣ совершается всенощная. Этотъ великолѣпный пятиглавый храмъ, красующійся сорокъ лѣтъ въ Казани, построеніемъ своимъ напоминаетъ трехъ Самодержцевъ. Екатерина II утвердила планъ, а Императоръ Павелъ I въ 1799 году лично съ двумя Великими Князьями участвовалъ въ заложеніи его. Съ тѣхъ поръ началось построеніе(*); но уже Императоръ Алек-

(*) Ассигновано было 20,000 руб. на ассигн.

сандръ Благословенный довершилъ недоконченное. Онъ назначилъ для постройки церкви еще 25 т. рублей. Этой суммы было недостаточно для возведенія такого храма, но когда Русскіе не предупреждали желаній своихъ Вѣнценосцевъ? Когда они отставали отъ ихъ преданности къ святынѣ? На созиданіе церкви сдѣланы большія пожертвованія; монастырь предложилъ часть суммы изъ собственнаго капитала—и оконченный храмъ освященъ въ 1804 году, во имя Казанской Божіей Матери. Онъ возвышается на 145 футовъ отъ основанія до средней главы, а съ своими порталами, фронтонами и колоннадой съ трехъ сторонъ —(кромѣ алтаря)— составляетъ одно изъ лучшихъ зданій въ Казани. Своды церкви поддерживаютъ четыре колонны, отдѣляющія два предѣла: во имя Рождества Пресвятыя Богородицы и Александра Невскаго.

Чудотворный образъ Казанской Божіей Матери, обложенный жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями, уставленъ у царскихъ дверей. Первоначально, эта вездѣ почитаемая въ особенности икона; украшена еще по повелѣнію Царя Ѳеодора Іоанновича при Митрополитѣ Ермогенѣ, а бриліантовыя короны, блистающія на вѣнцахъ чудотворной иконы и мѣстнаго образа Спасителя — были приношеніемъ Императрицы Екатерины II. Она поднесла ихъ слушая литургію, бывши въ 1766 году въ Казани.

Прочія монастырскія зданія суть: Теплая церковь во имя св. Николая чудотворца, находящаяся въ связи полукруглаго корпуса келій, то-

же обширная съ двумя предѣлами: Нерукотвореннаго Спасителя и трехъ Святителей; чудотворный образъ пребываетъ въ ней зимою. Кромѣ этихъ храмовъ и корпуса келій, находятся еще и другія постройки, и всѣ монастырскія зданія ограждены каменною стѣною, надъ св. воротами которой выстроена церковь во имя Св. Вѣры, Надежды и Любви.

Когда образу Казанской Божіей Матери празднуетъ вся Россія, можно уже представить какъ о торжественности Богослуженія въ самой Казани, такъ и общемъ усердіи склонить головы во прахъ передъ иконою Святою. Не смотря на то, что соборная церковь во имя Казанской Божіей Матери болѣе полутораста футовъ въ длину и сто двадцать въ ширину — ни какъ не можетъ помѣстить всѣхъ желающихъ быть въ храмѣ во время службы. Особенное народное стеченіе бываетъ 8 Іюля, потому что это обыкновенное время сбора изъ разныхъ мѣстъ поклонниковъ. Этотъ день, по всей справедливости, есть собственно Казанскій праздникъ, потому что тогда было явленіе міру чудотворнаго образа изъ нѣдръ Казанской земли, а съ того времени (съ 1577 года) начинается существованіе и обители.

На мѣстѣ, гдѣ видимъ великолѣпные храмы обители, покоющей 50 монахинь (штатныхъ) гдѣ нынѣ слышимъ стройное ихъ пѣніе, прославляющее Пречистую Марію — былъ прежде домъ стрѣльца Данила Онучина. Пожаръ обхватившій домъ его развился во всѣ стороны и истребилъ значительную часть города, но эта горькая участь

нѣкоторыхъ предшествовала всеобщей радости преданныхъ святынѣ.

Когда Опучинъ на пепелищѣ прежняго дома хотѣлъ строить новый, тогда дочери его, объятой безмятежнымъ сномъ дѣтства, явился призракъ образа Пресвятой Маріи Дѣвы. Вмѣстѣ съ этимъ слухъ дѣвицы пораженъ былъ голосомъ, повелѣвающимъ объявить Архіепископу и Воеводамъ о томъ, что въ глубинѣ земли гдѣ былъ домъ ея отца —скрытъ образъ Божіей Матери. Десяти лѣтняя дѣвочка, вѣроятно увлеченная забавами дѣтства, а можетъ быть и отъ боязни, какъ пишутъ объ этомъ — не тогдаже о сновидѣніи своемъ сказала матери. Простая женщина, не воображая что дочь ея можетъ быть благовѣстницею, избранною свыше, а къ томуже, безъ сомнѣнія озабоченная своими дѣлами—не обратила вниманія на слова ребенка. Черезъ нѣсколько времени эта дѣвочка по имени Матрена снова во снѣ увидѣла призракъ образа и слышала повтореніе тѣхъ же повелѣній объявить объ этомъ. Съ тѣхъ поръ дѣвочка не переставала говорить матери о чудномъ сновидѣніи, но та тоже не внимала словамъ Матрены — и такимъ образомъ прошло нѣсколько дней.

Послѣ этого было новое видѣніе для Матрены, но уже не дивный сонъ, а въ чистой созерцательности явился въ воздухѣ, объятый пламенемъ образъ Казанской Божіей Матери. Она видѣла его такимъ образомъ, вызванная чудодѣйственною силою на средину двора, но этому предшествовалъ крѣпкій сонъ послѣ обѣда (*).

(*). Внѣзапу обрѣтеся ко среди двора своего.

Вмѣстѣ съ видѣніемъ слышалось и новое заповѣданіе отрыть изъ земли образъ, или въ противномъ случаѣ явленіе его будетъ въ другомъ мѣстѣ. При этомъ было и вѣщаніе о гибели за ослушаніе Небесной воли. Испуганная Матрена лишившись чувствъ упала на землю и была нѣсколько часовъ въ такомъ состояніи. Все это убѣждаетъ, что случившееся было не только чуднымъ сномъ, но необычайностью, перешедшею за предѣлы возможнаго въ природѣ. Видно ясно, что она не была въ состояніи отвѣчающемъ сну, потому что упала на землю. При томъ же какъ бы не былъ страшенъ сонъ, но съ пробужденіемъ отдаляются навѣянные сновидѣніемъ ужасы.

Пришедши въ себя, Матрена трепетала отъ страха при воспоминаніи бывшаго. Она разсказала о случившемся матери, которая уже положеніемъ дочери своей убѣдилась въ истинѣ ея разсказа. Тогда было новое затрудненіе: могла ли робкая, малолѣтная простолюдинка переступить за порогъ Воеводскаго чертога? Когда уже не поражало ее видѣніе, она леденѣла при мысли — идти къ Воеводамъ и Архіерею. Ей необходимъ былъ путеводитель, которымъ была мать ея, съ трепетомъ представшая наконецъ передъ Боярами. Тогда правили Казанью Бояринъ: Князь Андрей Потревъ съ Дьяками Битяговскимъ и Шулепниковымъ. Эти люди съ гордымъ невниманіемъ выслушали разсказъ женщины; саркастической улыбкой отвѣчали Матренѣ, расказавшей имъ подробно о своихъ видѣніяхъ. Опечаленная до слезъ женщина вмѣстѣ съ Матреною отправилась къ Архіепископу Іеремии, возведенному въ этотъ

санъ изъ Архимандритовъ Спаскаго монастыря; но онъ тоже объявленное счелъ за пустые розсказни. Оставалось одно—самимъ искать эгаго сокровища, а потому мать Матрены принялась сама за заступъ, въ чемъ участвовали и посторонніе люди, но напрасно. Они вырыли болѣе двухъ аршинъ въ глубину, и трудъ былъ безполезенъ. Наконецъ Матрена, приводя что то на память, съ помощію постороннихъ рыла землю на томъ мѣстѣ, гдѣ была печь сгорѣвшаго ихъ дома. То же вырыто было болѣе двухъ аршинъ въ глубину. какъ показался старый суконный, вишневаго цвѣта рукавъ. Какая радость! какое счастіе! Изъ него то была взята Чудотворная Икона, казавшаяся въ дивныхъ призракахъ видѣнія. Образъ Казанской Божіей Матери былъ столько новъ, сколько можетъ быть таковымъ вещество, котораго не коснулось вліяніе праха и времени; но нельзя думать что бы кто нибудь не давно зарылъ его, потому что это мѣсто заселено было по взятіи Казани, гдѣ уже разлился свѣтъ Христа Спасителя. Кто же скрылъ этотъ образъ въ глубокія нѣдра земли и откуда принесенъ онъ, тогда какъ въ Россіи не видали подобнаго. Въ послѣдствіи времени только открылось, что это былъ списокъ съ того Чудотворнаго образа, корый изъ Іерусалима былъ вывезенъ въ Контантинополь Евдокіею, супругою Греческаго царя Ѳеодосія. Одно только можно предполагать, что въ рукахъ Татаръ былъ какой нибудь плѣнный Христіанинъ, или даже Татаринъ скрывавшій тайну своего исповѣданія Спасителя, которые или что бы не подвергнуться изобличенію, или по предчувствію близкой кончины, что бы не предать

Святыни въ руки невѣрныхъ — поручили храненіе ея глубокимъ нѣдрамъ земли. Какъ бы то нибыло, но только земля давно хранила этотъ залогъ Святыни, потому что явленіе образа Казанской Божіей Матери было черезъ 27 лѣтъ по взятіи Казани.

Описанное обрѣтеніе произошло въ полдень 8 Іюля, празднуемое нашею церковью. Могъ ли долго даръ небесъ таиться въ неизвѣстности? Глаголъ небесной воли услышался въ голосѣ народа; какъ бы съ быстротою свѣта, развилась вѣсть объ обрѣтеніи иконы—и пепелище Онучина наполнилось жителями Казани. Скоро прибылъ исполненный раскаянія и Архіепископъ, сопровождаемый духовенствомъ, военными и гражданскими властями. Образъ Божіей Матери со всею торжественностію отнесенъ былъ въ церковь Св. Николая Чудотворца, называемаго Тульскимъ, гдѣ слушали молебенъ. Тогда изъ среды толпящагося народа первое чудо ознаменовалось надъ слѣпымъ нищимъ Іосифомъ, уже три года незрѣвшимъ красотъ Божьяго міра. Этотъ Чудотворный образъ явилъ первое знаменіе благодѣянія такимъ чудомъ, какое было и отъ первоначальнаго изображенія въ этомъ видѣ Пресвятой Маріи съ Предвѣчнымъ Младенцемъ. Икона вывезенная царицею Евдокіею, называется Одигитріею т. е. путеводительницею, потому что Матерь Божія, явившись во снѣ двумъ слѣпцамъ, указала имъ путь въ Влахернскую церковь, и они прозрѣли представъ передъ Св. иконою Одигитріи. Кромѣ Іосифа изцѣлился страдавшій глазами нѣкто Никита, что случилось по перенесеніи Св. образа въ Бла-

говѣшенскій соборъ, гдѣ на другой день совершали соборно литургію и молебствіе. Съ этихъ поръ настало время Высшихъ благодѣяній, проявленныхъ множествомъ чудесъ, но дивно! — первое небесное благодѣяніе было также надъ слѣпцомъ и одержимымъ тяжелымъ недугомъ глазъ.

Скоро вѣсть о явленіи образа Казанской Божіей Матери распространилась во всѣхъ концахъ Россіи, а къ Царю Іоанну Грозному послали съ нея списокъ. Царь повелѣлъ на мѣстѣ чуднаго обрѣтенія иконы выстроить во имя Казанской Божіей Матери деревянную церковь, съ учрежденіемъ на сорокъ сестеръ монастыря, съ которыхъ поръ и началось его существованіе. Но Матрена? —Дѣвица, какъ благовѣстница отъ Пресвятой Дѣвы, избранная Святою Ея волею для обрѣтенія Божественныхъ ликовъ— могла ли быть связана общими узами суетъ міра! Ея дѣвическая грудь не колыхалась отъ бурь страстей, но полная любови неземной таила ея пламенникъ какъ яркую лампаду, теплящуюся передъ небомъ. Опредѣливъ себя на служеніе Пресвятой Маріи, —Матрена не внимала очаровательнымъ призывамъ свѣта. Исполненная небесныхъ радостей — она сбросила съ себя цвѣтныя одежды и облеклась во власяницу отшельницы. Матрена, съ именемъ Мавры, была первою монахинею новой обители, а потомъ ея Настоятельницею. Таковы пути Св. Провидѣнія!.....

Вскорѣ послѣ основанія первой церкви была создана другая теплая съ трапезою во имя Ро-

ждества Пресвятыя Богородицы, а на содержаніе монастыря было приписано 100 душъ — до штатовъ. Когда воцарился Θеодоръ Іоанновичъ, въ 1594 году 21 Апрѣля вмѣсто деревянной была заложена каменная церковь во имя Казанской Чудотворной иконы, съ предѣлами Успѣнія Божіей Матери и Александра Невскаго. Эта церковь была освящена въ 1595 году съ увеличеніемъ штата до 64 монахинь, каковый существовалъ 205 лѣтъ, до заложенія нынѣшняго храма.

Одно изъ чудодѣяній, изліявшихся отъ образа Казанской Божіей Матери въ 1611 году, останется памятнымъ во всѣ грядущія времена. Когда Поляки, по низверженіи Царя Василія Ивановича Шуйскаго, наводнили собою Россію и Русскіе ополчились для избавленія отъ ига Литовскихъ пришельцевъ, тогда Преподобный Сергій, явившись во снѣ Архіепископу Арсенію, вѣщалъ ему: что Богъ, внимая молитвамъ Казанской Божіей Матери и Чудотворцевъ Петра, Алексѣя и Іоны— истребитъ враговъ! Вѣсть объ этомъ видѣніи пронеслась въ рядахъ воиновъ, и одушевленные надеждою на заступленіе Пречистой Дѣвы и Святыхъ — они приступили къ Москвѣ. Первая побѣда надъ Поляками была 1612 года Октября 22 дня, когда освобожденъ былъ Китай городъ и Кремль. Послѣ этого въ первый Воскресный день былъ Крестный ходъ на Лобное мѣсто, гдѣ благодарили Всевышняго, Св. Марію и Св. Угодниковъ. Съ этихъ поръ Россія и Церковь празднуютъ образу Казанской Божіей Матери 22 Октября.



Благосостоянiе обители не всегда было постоянно но она подвергалась общей участи, испытывая пожары, грабежи и разоренiя. Едва послѣ перваго основанiя ея кануло въ вѣчность столѣтiе— памятный въ лѣтописяхъ Казанскихъ пожаръ 1694 года обхватилъ пламенемъ своимъ и монастырь. Тогда пострадали деревянный городъ и улицы Засыпкина, Красная, Өедоровская и прочiе мѣста до Булака. Пожаръ 1742 года, коснувшiйся тоже монастыря, предшествовалъ его разорѣнiю. Въ 1774 году, страшный бунтовщикъ Пугачевъ, предалъ всю Казань разоренiю грабежамъ и пламени — подвергнулъ этой участи и Казанскiй монастырь. Святотатствуя какъ извергъ изъятый изъ нравственной природы человѣчества —этотъ злодѣй и мирную обитель, прославленную Чудотворнымъ образомъ, обратилъ въ батарею. Со стѣнъ ея двѣ пушки громили крѣпость подъ предводительствомъ измѣнника Минѣева, достойнаго сообщника Пугачева. Наконецъ въ 1813 году сгорѣла церковь надъ воротами.

Прошли или пѣтъ Божiя испытанiя, оцѣнившiя усердiе Русскаго народа къ Святынѣ, но Святая обитель возникла снова на своихъ дымящихся развалинахъ. Погибли злодѣи, кромѣ пережившаго ихъ проклятiя; но Промыслъ Божiй хранитъ великолѣпную обитель. Чудотворная икона, изъятая изъ нѣдръ земли волею Самой Пресвятой Марiи— была невредима среди тяжелыхъ испытанiй. Послѣ всѣхъ бѣдъ и напастей она осталась залогомъ спасенiя отъ нихъ позднѣйшему потомству!.....

═

